

КЕРЕС

Прелюдия

Блистательного шахматиста Пауля Кереса Александр Котов называл «везунчиком». В своей книжке «В шутку и всерьез» Котов описал некоторые эпизоды, когда он стал свидетелем удивительных удач Кереса.

Во время длительного перелета стюардесса в самолете устраивает лотерею: предлагает пассажирам угадать, сколько спичек лежит в бокале. Угадывает один Керес. И получает приз — часы. Котов спрашивает: «Почему ты сказал сорок одна?» Керес отвечает, потому что ему 41 год.

Керес называет другу «счастливые» номера лотерейных билетов, и друг выигрывает. Он удачнее всех угадывает счет футбольного матча. Закидывает спиннинг, не увлекаясь ранее рыбной ловлей, и на глазах у завязанного рыболова, который долго пытался что-то поймать, вытаскивает рыбку — крючок впился ей в бок. И все это делает шутя, без азарта.

Природа помимо таланта наградила Кереса целым букетом превосходных качеств. Красивый, стройный, трудолюбивый, выдержанный, аккуратный, по-настоящему спортивный и так далее. Он без усилия завоевывал симпатии окружающих и болельщиков и не ввязывался в конфликты. Казалось бы, что жизнь должна идти плавно и прекрасно, как говорится, тишь да гладь, Божья благодать...

А на самом деле не так. В двадцать два года он завоевывает право играть матч на первенство мира с Алехиным, но тому не суждено было сбыться — мировая война, смерть Алехина. Он постоянный фаворит в состязаниях претендентов, но всегда немного не дотягивает до первого места. Его любимая родина, Эстония, попадает в вихрь мировых событий, Керес не покидает ее, хотя во многих странах мог бы найти самый добрый прием. Немецкие оккупанты вызывают его в казенный дом и требуют, чтобы он играл в чемпионате оккупированной Европы. Шахматный профессионал вынужден согласиться. Советская Армия изгоняет оккупантов, и Кереса вызывают в тот же дом держать ответ за то,

что согласился. Его лишают спортивных званий, он уже не гроссмейстер. Но он Керес, а Керес не гроссмейстер звучит нелепо. Звание возвращают.

Мне довелось знать одного очень талантливого шахматиста, который после успеха становился как бы неприступным, а после неуспеха приветливым, компанейским. Керес всегда был ровен. Можно догадаться, чего это ему стоило.

Керес умел воспринимать жизнь такой, какая она есть. Он жил в прекрасном Таллине, на улице с романтическим названием Ыйе (Цветочная). Не дожил полгода до шестидесяти лет. Улицу назвали его именем. Ушел из жизни молодым — и по виду, и по сути.

«Везунчик»? Скорее судьба-индейка.

Эталон*

В этом (1986) году Паулю Кересу должно было исполниться 80 лет. Прекрасный спортсмен-теннисист, уравновешенный характер, отсутствие вредных привычек, трудолюбие — казалось, все предвещает долгую жизнь. Не сбылось. Легендарный шахматист скончался неожиданно для всех на шестидесятом году — отказало сердце.

С Паулем Петровичем Кересом мне посчастливилось быть знакомым. Это не было близким знакомством, дружбой, но и не ограничивалось знакомством по схеме: здарсьте — до свидания, как живете? — спасибо, ничего. Я обращался к нему по имени и отчеству, что вроде бы на его родном языке не принято. Его это устраивало. Он называл меня Михаилъ Абрамович. Это устраивало меня.

Эстонский мастер Вальтер Хеуэр, превосходный журналист, издал книгу о своем знаменитом соотечественнике. Как-то он сказал мне, что было бы неплохо, если бы я поделился своими воспоминаниями о Кересе. Я запоздал, правда, ничего неожиданного я шахматистам сообщить не могу, но рискну поделиться тем, что знаю.

Среди турниров, что я видел в своей жизни, очень крепко запомнился финал XII чемпионата СССР в Москве, в Большом зале

* «Мир шахмат», 1996 г.

Консерватории. Память часто возвращается к погожим осенним дням 1940 года. Турнир был всесоюзным и в то же время вроде международным. Тогда в границах Союза оказались прибалтийские страны, Западная Украина. Финал усилили Керес (Таллин), Петров (Рига), Микенас (Вильнюс), Герстенфельд (Львов), да еще эмигрировавший из Венгрии Лилиенталь.

Керес был признанным претендентом на титул чемпиона мира. Выглядел двадцатичетырехлетний гроссмейстер безукоризненно. Роста по тем временам высокого, стройный. Костюм, галстук, платочек в кармашке пиджака, пробор — все аккуратнo, все детали пригнаны. Позже выяснилось, что он вовсе не склонен эксплуатировать плюсы своей внешности, что естественно для большинства молодых людей, что он консервативен в своих вкусах на одежду, не любит менять цвет. И еще оказалось, что подчер-

В. Микенас и П. Керес (1940г., Москва)

кнутая внешняя скромность, если не сказать замкнутость, вовсе не таит чопорности. Напротив, он не прочь пошутить, поиграть блиц, повеселиться. Тогда же, на XII чемпионате, болельщики, глядя на «живого» Кереса, видели европейского джентльмена, застегнутого на все пуговицы.

После окончания турнира Кереса попросили на закрытии прокомментировать одну партию. Он комментировал тогда по-немецки, с переводчиком. Что за партия, я запомнил, однако много лет спустя на Олимпиаде в Буэнос-Айресе вспомнил, когда комментатор сказал: «Торо пор торо», что Керес говорил: «Турм нимт турм», что значит: ладья берет ладью. «Тура она и в Африке тура, — подумал я, — а у нас вот ладья. Надо же...»

Прошло пять лет, и осенью 1945 года мне посчастливилось познакомиться с Кересом лично. Он пережил фашистскую оккупацию в Эстонии, за что его на всякий случай лишили звания гроссмейстера СССР. В те дни Таллин принимал шахматистов Риги. Было сыграно два командных матча. В первом с Кересом играл А. Кобленц, а я играл с Александром Арулайдом, мастером интересного активного стиля и человеком твердых взглядов, которые не скрывал. Во втором матче Кобленц не играл, так как матч шел под флагами «Даугава» — «Калев», а он был инструктором в другом обществе, я же был «нейтралом», просто адвокатом и поэтому встретился с Кересом.

В первой партии я почему-то стал играть дебют Рети, отдал центр и быстро задохнулся. Во второй решил переломить ход событий, для чего снял стресс старинным способом — при помощи ста граммов за обедом перед игрой, чего никогда ранее не делал. Вероятно, после первой партии Керес настолько утратил интерес к моему «творчеству», что это привело в конечном счете к ничейному исходу. Во время игры я чувствовал себя превосходно, было тепло, снял свитер... (Не пропагандирую, но факт!) А после партии в разговоре с Арулайдом я подчеркнул свои достижения. Он охладил мой пыл, популярно разъяснив, что Керес остается Кересом, даже если какой-нибудь отдельно взятый пижон сделает ничью или даже, паче чаяния, выиграет. Арулайд был прав. Вспомнив строчки из «Маугли» Кипплинга — «Лес велик, а ты ничтожен/ Ты б подумал и умолк», — я последовал разумным рекомендациям.

Признался я в нарушении спортивного режима потому, что прошло более 50 лет, истекли все сроки давности. Любопытно, что в своей книге «Сто партий», скрупулезно аккуратный Керес упомянул в перечне своих выступлений и те командные матчи далекого 1945 года. Познакомившись с ним, я обнаружил, что он говорит по-русски. Характер поведения Кереса не менялся — вел он себя с достоинством, скромно и в те дни, когда был лишен звания гроссмейстера, и потом, когда его вернули да еще прибавили заслуженного мастера спорта СССР. Великий шахматист — величина постоянная.

Восемь лет спустя, в 1953 году, мне довелось наблюдать игру Кереса на турнире претендентов в Швейцарии. Тогда добился одного из своих высших достижений Смыслов. Турнирное счас-

тье не сопутствовало Кересу, но на протяжении всего этого двух-кругового длинного турнира он излучал спокойствие, сохранял выдержку и преследовал лидера до конца, разделив 2-4-е места с Бронштейном и Решевским.

Через двадцать лет после моего первого знакомства с прекрасным городом Таллином я оказался там главным судьей 33-го чемпионата СССР, где в числе других гроссмейстеров принимал участие и Керес.

Турнир отлично организовали, несомненно, благодаря большому авторитету Кереса. Отношение к участникам было самое внимательное, но особенно поразила меня дисциплина зрителей. В самые волнующие моменты, когда наполненный шахматистами зал начинает понемногу гудеть, достаточно было судье, выйдя на авансцену, поднять руку, как гул стихал... Может быть, в этой естественной дисциплине был один из истоков непоколебимой выдержки Кереса.

Игра в чемпионате у него не шла, он напрягался, я видел, как в конце партий он трет утомленные глаза. В разговоре со мной он сказал, что, пожалуй, не следует больше играть в финалах. Мне это показалось неожиданным, хотя и не лишеным здравого смысла. Я промолчал. Но Керес не выполнил своего намерения. Он играл и играл. Быть может, он чувствовал, что силы небесконечны, но со стороны казалось, что гроссмейстер не меняется, остается всегда молодежавым. Он по-прежнему играл в теннис, имея, кстати, высокую спортивную квалификацию.

Как-то он рассказал мне, что поехал однажды на всесоюзные соревнования по теннису в мягком вагоне. Бухгалтер, принимая отчет, возразил, что, мол, не положено. Керес напомнил, что заслуженным мастерам спорта разрешается. Бухгалтер стоял непреклонно — вы же заслуженный по шахматам, а не по теннису. На что Керес возразил, что, дескать, странно — фигура-то одна и та же.

Вызывало уважение к Кересу и полное отсутствие у него склонности к конфликтности. Есть немало шахматистов, у которых, напротив, эта особенность довольно ярко выражена, а он относился к подобному пристрастию иронично. Я слышал от него, что он имеет записную книжечку, которую берет с собой, когда едет в Москву. А в книжечке записано, кто с кем не разговаривает, не

здоровается. Рассказывая это, Керес снисходительно улыбался, вроде как над детской глупостью.

В 1970 году сборная СССР участвовала в командном чемпионате Европы в австрийском городе Капфенберге. Капитаном команды был Керес. Отношения в команде, дух ее были превосходны, результаты тоже. Турнир окончился, и осталось некоторое время до отлета домой. Решено было, что гроссмейстеры выступят с сеансами в разных городах. Я как руководитель делегации быстренько прикинул, кого куда и, недолго думая, сообщил команде предложения. Возражений не было, вот только Пауль Петрович по поводу одной пары, направлявшейся вместе, заметил с улыбкой: «Вы, наверно, очень смелый человек, Михаил Абрамович...». И как в воду глядел. К сроку симпатичная пара гроссмейстеров условленным поездом в Вену, где был сбор, не прибыла. Скоро улетать, а гроссмейстеров нет... Конечно, загостились и на поезд опоздали. Правда, выручили новоприобретенные австрийские друзья, а вероятнее, собутыльники — домчали с ветерком до Вены на машине.

Керес обладал завидной выдержкой перед лицом неприятных событий. В бытность мою начальником отдела шахмат Спорткомитета планировался выезд Кереса в Австралию для сеансов. Он приехал из Таллина в Москву, до отлета оставалось всего ничего. Однако в сферах, где решались судьбы и пути, надумали выезд отменить. (Позднее мне один товарищ говорил, что какой-то умник из наших в Австралии убоился негативных последствий приезда Кереса в среде эстонских эмигрантов). И сверху вниз пошла команда «отбой». Крайним для выполнения пакостной роли назначили меня. Мы уединились. Я что-то промышчал про нецелесообразность, ожидая заслуженных слов. Неожиданно Пауль Петрович понимающе улыбнулся. Может быть, он видел на ход дальше? Я позволил себе обратить внимание на его нестандартную реакцию. А он вразумил меня, объяснив, что в жизни немало встречается такого, что надо принимать поспокойнее.

Принято говорить о хобби героев. О Кересе говорили, что он имеет расписания движения поездов, самолетов, кораблей. В прошедшие годы на многих дальних маршрутах существовали стыковки, да еще необходимо было использовать рейсы «Аэрофлота». Иногда, чтобы спланировать оптимальный маршрут,

нужно было поломать голову. Тогда один из руководителей Спорткомитета звонил Кересу в Таллин, и хобби имело практический выход.

В 1970 году этот руководитель работал в другой организации, а нашим шахматистам надо было ехать в немецкий город Зиген на Олимпиаду. Мы получили билеты на довольно замысловатый маршрут. Сперва «Аэрофлотом» в Копенгаген, там многочасовая пауза, затем «чужим» самолетом во Франкфурт, оттуда поездом в Зиген. Прибыли ночью. А во время нудного ожидания в транзитном помещении Копенгагенского аэропорта Пауль Петрович заметил мне, что хуже маршрут придумать было трудно. Спорить не приходилось.

Это хобби соответствовало характеру мышления Кереса — аналитичность и высокая аккуратность в деталях. Его натурой было трудолюбие. Вероятно, это было свойством врожденным. В своей книге «Сто партий» Керес прозаично рассказывает о вещах, достойных восхищения. Ему не было еще пяти лет, когда он познакомился с шахматами. Играли с братом, не зная, что партию можно записывать, а когда узнал, то поступил так: «В маленьком городе Пярну, где мы жили, трудно было совершенствоваться в шахматах. Мы старались это компенсировать самостоятельной работой. Я завел специальную толстую тетрадь, куда внес тысячу партий, изучая первые ходы и отыскивая критические моменты борьбы». Так действовал дошкольник!

Шахматная карьера Кереса — не тема этих заметок. «Шахматы. Энциклопедический словарь» констатирует, что 35 лет Керес боролся за мировое первенство, участвовал в 67 международных турнирах, занял первые места почти в трех десятках. «Как турнирный боец Керес вряд ли кому-либо уступал на земном шаре», — писал М. Ботвинник. Керес был фигурой такого масштаба, что очки и половинки как бы отступают на второй план. Он был продуктивным аналитиком, автором отличных книг, составителем более 1700 задач, участником турниров по переписке... И весь этот огромный труд совершал без спешки, без цейтнотов.

Выступлениям Кереса в Канаде суждено было стать последними в его жизни. Он давал там труднейшие сеансы одновременной игры. Об этом рассказал мне мой шахматный коллега, служивший тогда в Канаде по дипломатической линии. Сеансы были

долгими, состав сильный, досок было много... Внешне Керес выглядел неважно, переутомлялся. Итог стал трагическим. На пути домой, в Хельсинки, перестало биться его сердце.

Однажды в разговоре мы коснулись, как говорят политизированные люди, проблем сельского хозяйства. Керес сказал, что в Эстонии есть коровы, дающие молоко девятипроцентной жирности. Спорить с эстонцем по таким вопросам глупо, но я возразил, что это сливки, а не молоко. Тогда Керес пригласил меня приехать и убедиться. Только заранее обусловить время, и я могу приезжать с супругой. Будет составлена небольшая программа, и все будет не хуже, чем в любой стране Европы. Увы, я так и не воспользовался... Все торопился. Строил, как говорится, светлое будущее.

Я когда-то слышал, будто мудрец или оратор из древних сделал такое сравнение: представим себе доску, в которую забито много гвоздиков. Усеяна вся поверхность. Выдернем все гвоздики, и окажется, что их маленькая горстка. Так и счастливые дни в жизни, считал этот пессимист.

Мне вспоминается один такой «гвоздик». В 1973 году в бразильском городе Петрополисе проходил межзональный турнир.

Я был там секундантом одного участника. В свободный от игры день группа участников спустилась на автобусе с гор в сказочный Рио. Все разбрелись. Когда настало время обеда, мы с Паулем Петровичем оказались вдвоем и пообедали на веранде ресторана, на краю неподобного пляжа, отдыхая от долгого хождения по городу. Огромные зеленоватые океанские волны набегали на песок и откатывались. Небо было безоблачным. Солнце грело в меру. Настроение у Кереса было как всегда ровным. Мы беседовали о том, о сем. Казалось, что в мире все разумно, спокойно. Может быть, это исходило от природы, а может быть, Кереса окружала некая, как говорят модные ныне экстрасенсы, аура.

Последняя партия Кереса

Эту партию, последнюю в жизни, Керес сыграл в заключительном туре. Он лидировал с 7 с половиной очками из девяти. Американский гроссмейстер У. Браун отставал на полтора очка. Поединок оказался боевым.

Испанская партия
У. Браун — П. Керес
 Ванкувер 1975

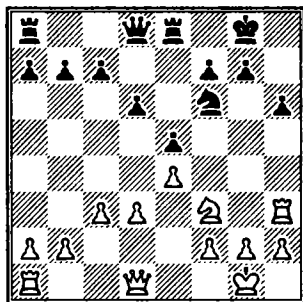
1.e4 e5 2. ♘f3 ♘c6 3. ♗b5 ♘f6
 4.d3 d6 5.c3 ♗e7 6. ♘bd2 0-0 7.0-0
 ♗d7 8. ♚e1 ♚e8 9. ♘f1 ♗f8 10. ♗g5
 h6 11. ♗h4 ♗e7 12. ♘e3 ♘g4 13.
 ♗:e7 ♘:e7 14. ♘:g4 ♗:b5 15. ♘h4
 ♗d7 16. ♚e3.

Браун оптимистично готовит атаку на короля.

16... ♗h7 17. ♚g3 ♘g8 18. ♘f3
 ♗:g4! 19. ♚:g4 ♘f6 20. ♚h4 ♗g8.

Позиция черного короля укреплена. Активные действия в центре подготовлены.

21. ♚h3.

21...d5! 22. ♗e2 ♗d7 23. ♘h4 de
 24.de ♚ad8 25. ♘f5 ♗d2! 26. ♗f3
 ♚e6 27. ♚g3 g6 28. ♚f1 ♗f4!
 29. ♚d1 ♚ee8 30. ♘e7+ ♗g7
 31. ♘d5 ♗:f3 32. ♚:f3 c6 33. ♘e3
 ♚:d1+ 34. ♘:d1 ♚d8 35. ♘e3 ♘:e4
 36.h3 ♘g5 37. ♚g3 f5 38. ♘:f5+ gf
 39.h4 f4 40. ♚g4 ♗g6 41.hg hg 42.g3
 ♗f5 43.f3 ♚d1+ 44. ♗g2. Белые
 сдались.

Как говорится, сила солому ломит. И не только «солому», но и полноценного гроссмейстера.